

Вечер пожара

Понедельник, 13 мая

Прошло лишь семь минут, прежде чем первая пожарная машина с визгом затормозила возле офисного здания «Моррис и Вуд», но даже к этому времени всякому было ясно, что уже слишком поздно. Огонь распространялся по этажам с пугающей скоростью. Красно-оранжевые языки пламени окутались клубящимся облаком темно-серого дыма. Воздух сотрясал треск лопающихся стекол.

Она находилась на набережной, протянувшейся вдоль противоположной от офисов стороны реки, откуда открывался прекрасный вид на происходящее. Ей больше не хотелось смотреть, но она не могла заставить себя отвернуться.

По правую руку от нее кучка людей высыпала из паба «Звезда» и двух близлежащих ресторанов. Это был вечер середины мая — достаточно теплый, чтобы гулять допоздна, несмотря на то что еще только понедельник.

Большинство толпящихся здесь зевак наверняка возмущались, когда планы строительства офисного здания «Моррис и Вуд» впервые внесли на рассмотрение городского совета. Пять лет назад этот проект вызвал бурные протесты. Разгневанные жители Лимингтона и окрестностей, не желающие, чтобы в их районе выросло такое

«бельмо на глазу», посещали специальные собрания, организованные в кафе и школьных залах.

Никто, говорили они, не захочет любоваться рекой Лимингтон с красивой набережной, когда в ответ вытаращится окнами чудовищное офисное здание. «Проклятые лондонцы, — шептались люди между собой. — От них только и жди беды: понаехали на южное побережье из центра, захватывают наш город».

Однако всего несколько месяцев спустя Гарри Вуд подмазал всех организаторов протеста. Ну, может, и не всех, только тех, от кого что-то зависело.

Итак, планы были утверждены, строительство началось. Любой, кто хоть немного разобрался в архитектуре, мог взглянуть на проект; приходилось признать, что здание обещает быть прекрасным — возможно, даже слишком красивым для своего предназначения — размещения рекламного агентства.

К тому времени местные обитатели были готовы простить Гарри Вуду что угодно. Он предоставлял им работу и оказывал поддержку благотворительным организациям, чем окончательно растопил сердца жителей района. У Лимингтонского дома престарелых никогда раньше не было столько микроавтобусов для выездов на природу в Нью-Форест.

Но все же кое-кто из тех, кто теперь глазел на пожар, продолжающий уничтожать здание, наверняка не раз отпускал при друзьях шуточку — дескать, с удовольствием сам бы спалил его дотла. Потому что даже после того, как здание было построено и его высокий стеклянный фасад по вечерам красиво отражал от воды лучи заходящего солнца, оно все равно вызывало у некоторых изжогу. У тех, кто видел насквозь таких людей, как Гарри Вуд.

Ей вдруг пришло в голову, что через несколько дней полиция может задуматься: а нет ли связи между давними протестующими и пожаром?

От этой мысли ее сердце забилося чаще, пока она всматривалась в небольшую толпу.

Могут ли они так подумать? Возможно ли, что полиция сосредоточит внимание на чем-то, полностью отличным от истины?

Она прижалась к парапету, надеясь остаться незамеченной. Пульс стучал в ушах, заглушая звуки суматохи, которая разворачивалась перед глазами. Теперь возле здания стояли три пожарные машины, припаркованные под разными углами; как минимум две полицейские — те, которые она могла видеть; а сейчас подъезжала и скорая помощь. Это напоминало сцену из немого кино: казалось, что все происходит как в замедленной съемке, хотя на самом деле события развивались с безумной скоростью.

Она облизала губы, ощутив на них солоноватый привкус, и поняла, что это слезы: она плакала, сама того не осознавая. Скрестив руки на груди, она обхватила себя за плечи так крепко, как только могла — съезжившись почти вдвое. Пальцы сводило судорогой. Если бы она поднесла их к носу, то ощутила бы запах бензина. Она подумала, что теперь никогда не забудет эту вонь — сильную до тошноты.

«Ну что, именно этого ты хотела?» — спрашивала она себя.

Она отняла руку от груди и прижала к губам, мысли лихорадочно метались. Она попыталась представить, что будет утром. Как множество работников здания обнаружат груды обломков на месте, где еще вчера располагались их шикарные офисы. Если им, конечно, не сообщили, что у них больше нет работы.

Несомненно, каждому придется поговорить с полицией, рассказать то небольшое, что они знают. Она была уверена, что детективы не накопают ничего серьезного при опросе персонала — только зря потратят время,

выслушивая чепуху, которая уведет их далеко от того, что произошло на самом деле.

Вероятно, они получают странные показания от одного или двух сотрудников, которым почудится, что они могут рассказать что-то интересное, но она сомневалась, что детективы начнут мыслить в верном направлении.

Она сфокусировала взгляд на небольшом скоплении одетых в униформу людей возле пожарной машины. Один пожарный яростно жестикулировал, указывая на здание, другой что-то орал остальным, стоя позади. Она и представить не могла, что огонь распространится так быстро.

Внезапно она поняла, что происходит что-то нехорошее. Что-то срочное, потому что даже отсюда чувствовалась тревога, разлитая в воздухе. Казалось, он потемнел и сгустился от дурных предчувствий.

Машинально она потихоньку двинулась вперед, пока не попала под луч уличного фонаря. Сердце забилось сильнее, почти выскакивая из груди, когда она напрягала зрение, подкрадываясь ближе по узкой дорожке, идущей по набережной вдоль домов.

Все говорило, что пора убираться отсюда. Она должна быть с семьей. В любой момент могут позвонить, чтобы рассказать о произошедшем, и, когда это случится, ей нужно быть дома.

Она все никак не могла оторваться от этой сцены.

Теперь пожарный отошел в сторону, открыв взору носилки на тротуаре. Из горящего здания вынесли тело, уложили его, затем кольцо людей сомкнулось вокруг, и больше она не видела ничего.

Ей показалось, что сама она превратилась в дрожащий студень — как будто в любой момент она может растаять и растечься лужицей по земле.

Что она натворила? Это казалось превосходным решением. Но теперь она видела, что это никоим образом

не конец. Это только начало. Теперь она понимала, что из-за своих действий может лишиться того, что действительно важно.

Своей семьи.

Она схватилась за живот и согнулась пополам, испустив поток рвоты на дорожку. Руки неудержимо тряслись.

Мечь и гнев ослепили ее, и теперь она могла потерять двух самых важных людей.

Слишком поздно что-либо предпринимать.

Вторник, 14 мая

Первичный опрос детективом-констеблем Эмили Марлоу сотрудников «Моррис и Вуд» после пожара, произошедшего в понедельник, 13 мая

Бриони Найт, ассистент клиентского отдела

Б р и о н и. Что, кто-то погиб?

М а р л о у. Боюсь, пока мы не можем ответить на этот вопрос.

Б р и о н и. Не можете ответить? (Пауза.) Ладно. Хорошо. Тогда я отвечу на ваш. Я работаю там восемнадцать месяцев.

М а р л о у. И кто ваш непосредственный начальник?

Б р и о н и. Ну... (Смеется.) Сперва была Лора Деннинг, пока не ушла в декретный отпуск. Потом Мия, которая ее заменила, а теперь — они обе сразу! На самом деле это так не работает, но... Вы не знаете, как теперь будет? В смысле — я продолжу получать деньги? Мне нужно платить за квартиру, и если я не смогу работать...

М а р л о у. Это вам надо узнать в отделе кадров. Вы же понимаете, что мое дело — расследовать пожар.

Б р и о н и. Я знаю. Я просто... ну, не могу позволить себе потерять эти деньги, вот и все.

М а р л о у. Вы говорите, что вам там нравится. Значит, вы любите свою работу? Вы всегда были довольны местом в «Моррис и Вуд»?

Б р и о н и. Абсолютно. Это потрясающее рабочее место. Я имею в виду, что сами офисы там потрясающие — ну, то есть были потрясающими. Черт! Я поверить не могу, что их больше нет. Кто мог это сделать?

М а р л о у. Именно это мы и стараемся выяснить.

Б р и о н и. Вы думаете, что это кто-то из работавших там? Поэтому вы нас всех допрашиваете?

М а р л о у. Я не назвала бы это допросом. Я просто пытаюсь выстроить общую картину: что сотрудники думают о компании, как все вы относитесь к работе на Гарри Вуда.

Б р и о н и. Ну, Гарри великолепен. Он совершенно замечательный руководитель. Всем нравится работать под его началом — вы вряд ли найдете хотя бы одного человека, который его не любит. Гарри всегда остановится поболтать, он... (Хихикает.) Ну, я не знаю... Он очень симпатичный.

М а р л о у. То есть вы думаете, что все считают Гарри Вуда хорошим генеральным директором?

Б р и о н и. Боже, конечно да! В смысле я не совсем разбираюсь, чем он там занимается как гендиректор, но если вы о том, счастливы ли люди с ним работать, то, как я уже сказала, абсолютно. Вот поэтому никто никогда и не уходит.

М а р л о у. А я слышала, что кто-то уволился совсем недавно. Сара Клифтон, кажется?

Б р и о н и. Ах, да. Сара. Конечно. Я совсем о ней забыла.

Марлоу. Вам известны причины?

Бриони. Ну я точно не знаю, но до меня доходили слухи.

Марлоу. Слухи?

Бриони. Ну да. У нее возникли проблемы с ее боссом, Майком Льюисом. Но... ну однажды она просто внезапно исчезла. Она была очень тихой девушкой. Я даже не сразу сообразила, что больше ее не вижу, поняла только через неделю.

Марлоу. Может, до вас доходили и другие слухи, мисс Найт?

Бриони. Какие, например?

Марлоу. Да какие угодно.

Бриони (пауза). В большой конторе всегда ходят слухи; все зависит от того, что вы имеете в виду.

Генриетта Джеймс, старший менеджер клиентского отдела

Генриетта. Гарри Вуд — хороший гендиректор, я думаю, но по работе я пересекалась с ним не каждый день. Конечно, девушки от него без ума. Под «девушками» я подразумеваю тех, кому от двадцати до тридцати. Не то чтобы я считала себя старой — боже упаси, мне всего-то сорок два, — но иногда разница чувствуется, понимаете? Если подумать, то все окружающие еще не родились, когда я уже заканчивала школу. (Смеется.) В общем, я считаю, что он им нравится, потому что всегда очень любезен и, конечно, красив. Даже я это признаю, а уж они-то в своем возрасте вообще слепы, не так ли?

Марлоу. «Слепы» в каком смысле? Думаете, вы видите то, чего не видят они?

Генриетта. Именно так.

Марлоу. Можете привести пример?

Генриетта (вздыхает). Например, то, что на самом деле у него есть время только на себя любимого. Люди, которые работают непосредственно под его началом... он, конечно, делает вид, что общается с нами со всеми, но это всегда ощущается немного... *отстраненно*. Думаю, больше всего ему нравится заседать за столом в совете директоров.

Марлоу. Мия Андерсон — одна из ваших директоров по работе с клиентами, правильно?

Генриетта (кивает). Совершенно верно. Сейчас их у нас пятеро. Все время, пока я там работаю, их всегда было четверо, но Гарри ввел в совет Мию. И слава богу, если вам интересно мое мнение. Настало время, когда нам требовался кто-то вроде Мии.

Марлоу. Что вы имеете в виду, говоря «кто-то вроде Мии»? Это кто?

Генриетта. Женщина в руководстве, с которой мы можем поговорить. Вы знаете, что она стала только второй женщиной, доросшей до совета директоров?

Марлоу. В основном назначались мужчины?

Генриетта. О, естественно.

Марлоу. Думаете, это вызывало проблемы?

Генриетта. Не знаю. Раньше я никогда всерьез об этом не задумывалась. Всегда считала, что это в порядке вещей. Женщины уходят и рожают детей. Так все говорят, правда? Взять хоть меня — я перешла на неполный рабочий день, когда стала матерью, так с чего бы кому-то рассматривать меня в качестве кандидатуры на повышение?

Марлоу. Вы думаете, вас не повышают, потому что вы работаете неполный день?

Генриетта. Я уверена в этом.

Марлоу. Так обстоят дела во всей компании?

Генриетта. Я не хочу сказать, что Гарри как-то неправильно ведет дела.

Марлоу. Я вас и не заставляю.

Генриетта. Я не пытаюсь причинить неприятности или что-то в этом роде. Я не говорю, что есть некая проблема неравенства... Я никогда не покупалась на все это дерьмо, которое...

Марлоу. Продолжайте.

Генриетта. Ладно, неважно. Я просто говорю — не хочу, чтобы вы решили, будто у меня есть проблемы. Их нет.

Марлоу. Я понимаю, что вы хотели донести совсем не это. Вы сказали, что замечательно иметь в руководстве Мию Андерсон, потому что с ней можно поговорить. А что насчет Лоры Деннинг? Я так понимаю, она и есть другая женщина-директор, которую вы упомянули? Еще одна женщина в совете?

Генриетта. Да, она. Но я никогда не чувствовала себя комфортно, разговаривая с Лорой о личном. Лора Деннинг такая... слишком профессиональная, я бы сказала.

Марлоу. Мию Андерсон ввели в совет, чтобы заменить Лору Деннинг на время декретного отпуска?

Генриетта (кивает). Лора уходила на полгода. Она вернулась два месяца назад.

Марлоу. Однако Мия Андерсон все равно осталась? Как, по вашему мнению могло это вызвать проблемы?

Генриетта (смеется). О да-а-а, и это уже совсем другая история.

Марлоу. Что же произошло?

Генриетта. Все пошло не очень хорошо. В первую же минуту, как только Лора Деннинг вернулась из декретного отпуска... Ну, скажем так: мы все знали, что будут проблемы. Да, наверное именно после этого в «Моррис и Вуд» все определенно начало меняться.

Глава первая

Два месяца назад

Лора стояла в дверях кухни и наблюдала, как ее муж Нейт осторожно помешивает деревянной ложкой в кастрюльке, ненадежно балансирующей на самом краю плиты. Другой рукой он прижимал к боку Бобби. Голова сына лежала на плече отца, и всякий раз, когда Нейт шевелился, Бобби вздрагивал, как будто он заснул, а его встряхнули. Лора напряглась, ожидая, что глаза сына вот-вот откроются. Но тот продолжал крепко спать, и, пока Нейт тихонько напевал под нос, очевидно, не замечая, что она стоит и смотрит на них, ее глаза увлажнились.

— Ну ладно, я пошла.

Слова слетели с ее губ почти беззвучно, однако Нейт обернулся и расплылся в улыбке.

— Эй, красotka! Ты выглядишь великолепно. И смотри — все это по-прежнему сидит на тебе идеально!

— Не совсем. — Ладонями она пригладила блузку на груди. Пуговицы были натянуты чересчур туго, грозя отлететь, и Лора поддела топ на бретельках, хотя в офисе всегда было чересчур жарко. За последний час она провела перед зеркалом больше времени, чем за последние полгода. Сначала она собрала темные волосы в конский хвост, затем снова распустила, а сейчас они были уложе-

ны в пучок с выбивающимися у основания шеи прядями. Она стряхнула со щеточки хлопья засохшей туши, прежде чем нанести ее на ресницы, и наложила на веки больше серых теней, чем обычно, — чтобы почувствовать себя уверенней. Но все равно она никак не решалась выйти через парадную дверь.

— Ты нервничаешь, — заметил Нейт. — Это совершенно нормально, когда собираешься вернуться спустя столько времени.

Она покачала головой и попыталась улыбнуться, закусив губу, затем шагнула к плите, уже выключенной мужем.

— Я буду скучать по тебе, малыш, — прошептала она в теплые волосики сына, целуя его в макушку и задерживая на нем губы, словно боялась отстраниться. Не стоит нервничать. Она всегда любила свою работу. «Моррис и Вуд» были ее жизнью, пока не появился Бобби. И тем не менее Лора подумала, что у нее еще есть шанс прикинуться больной. Что будет намного проще позвонить Гарри и отложить возвращение. Всего на неделю. Через неделю она наверняка почувствует себя лучше. Но они подсчитывали семейный бюджет, и теперь, когда полное пособие по беременности и родам закончилось, зарплата Лоры понадобилась, чтобы выплачивать ипотеку, в которую они с волнением влезли, когда пять лет назад Лора начала работать у Гарри Вуда. Они оба понимали: когда появится Бобби, именно Лора вернется к работе на полную ставку. Поскольку — помимо того, что она зарабатывала куда больше мужа, — именно Лора делала карьеру, именно она никогда не могла представить свою жизнь без работы.

Нейт улыбнулся.

— Ты их там всех сразишь наповал! Как и всегда, впрочем.

— Ты просто ко мне предвзят.